

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09

«ПУСТОТА» В ПОЭЗИИ Г. В. САПГИРА

С. Ю. Артёмова

Тверской государственный университет
кафедра теории литературы

В статье рассматривается мотив «пустоты», характерный для поэзии Г. В. Сапгира и проявляющийся на разных уровнях: от декларативных формулировок до фонетического, лексического, синтаксического и философско-онтологического воплощения в тексте.

Ключевые слова: декларация и реализация, поэтическое слово, лирика XX века, поэтическое «я», лирический субъект

По мнению Казимира Малевича, «поэзия – это то, что, как правило, остается за пределами слов» [5]. Эта фраза, на мой взгляд, очень точно характеризует особенности поэзии Г. Сапгира. Пустота как мотив появилась еще в 60-е годы: «Дверь отворилась: никого – // Мгла и волокна облаков – // ПУСТОТА-А! – // ”Сон”» (Выделено автором – С. А.) [8]. Или: «На полотне вместо // Петра – // Пустое место. // «Петр и Клеопатра» [8].

По наблюдениям Н. М. Азаровой, «пустота» как лексическая единица возникает в творчестве Г. Сапгира более 70 раз [1]. Интересно, что фонетически слово *пустота* соотносится не только с *отсутствием*, но и с *сутью*. Примером может служить «Сонет о том, чего нет» [8]. Мир складывается из вещей, которых нет, именно они придают жизни лирического героя смысл. Интересен и диптих сонетов («Новогодний сонет» и «Сонет-комментарий»), в котором жизнь как белый лист противопоставлена поэзии. Г. Цецевич в статье, посвященной выходу книги «Складень», пишет: «...поэт рассматривает серьезную проблему пустоты, надвигающейся на каждого из нас вплотную. Генрих и пустоту мог с легкостью преобразовывать в поэзию. Его поэтическое слово порой рождалось из молчания и тишины, из воздуха и шевеления губ» [3].

Мотив пустоты может проявляться как *незримое* – это слово частотно в стихах Сапгира как в заглавиях, так и в самой ткани текста: «...и смотреть-то странно // ...сквозь туманное стекло // или нарисованные // ...бегают штрихами // а то роятся вокруг // ...одна // вся точками // как волнуется // другие – // стертым пятном // ...все бледнее // ...совсем ничего // Или не видим» (Незримое. Тексты 1993 г.) [8].

Еще один вариант мотива пустоты – *неслышимое*, тайное, недоговоренное – также частотно у Сапгира. Отсутствие как мотив не только декларируется, но и воплощается в теле текста («Война будущего» (взрыв...жив?) [8], или «Вот и нету никого, лько солн блака и во» [8]. Исследователи называют эту черту «поэтикой полуслова» или «пустотным текстом»: «...любая “неправильная” или недописанная (Выделено автором – С. А.) буква может развернуть в поэтической речи своё смысловое знамя – без наличия стабильного толкования, только в контексте, а любой словесный разрыв обязан актуализировать разъятые части, даже если они по отдельности не узнаются как части целого и, на первый взгляд, ничего не значат» [9].

Сам Сапгир говорил о книге «Дети в саду»: «Я старался разрывать и не договаривать слова, лежащие близко к центру языка. И в этом заполнении пустот читателем... была неожиданность встречи и радость узнавания... А здесь слово так и остается – мерцающим между бытием и небытием» [7].

Но сейчас речь идет не только о пустоте как черте поэтики, но и о пустоте как онтологическом принципе: «и уже замахал // полетел // еле мыслью за ним успеваю // туманная местность // торчат верхушки деревьев // ...вслепую // По ершистой траве // Крупным силуэтом // Нечто неподобающее: // ...морось на бронзе // ...дождевики на белых изоляторах // ...лишай на броне // Людей, однако, не слышно» [8].

Стоило бы проверить также частотность отрицаний в поэзии Сапгира, навскидку кажется, что она намного выше, чем в поэзии Бродского (см. статью И. В. Фоменко об отрицаниях в «Части речи» [12]).

Мотивная структура поэзии Сапгира предполагает и еще один мотив, связанный с семантикой пустоты – *неназываемое*. Традиция идет еще от романтиков, у В. А. Жуковского «Невыразимое»: «Все необъятное в единый вздох теснится, // И лишь молчание понятно говорит» [4]. Продолжается традиция в стихотворении «Silentium» Ф. И. Тютчева: «Молчи, скрывайся и таи // И чувства, и мечты свои...» [11]. Вспомним и О. И. Мандельштама («Silentium») с его «первоначальной немотой»: «Останься пеной, Афродита, // И слово в музыку вернись...» [6]. Но если у романтиков невозможность облечь мысль в слово связана с благоговением перед миром, а у Тютчева – с желанием уберечь сокровенное от чужих ушей, то у «неназываемого» Сапгира другая природа. По словам М. Ямпольского, это слово, «избегающее названия» [13].

Продолжая традицию «неназываемого» в поэзии, Сапгир привносит и нечто новое: слова высказывают правду, молчание утверждает истину. Отсюда молчание – воплощение полноты бытия и полноты небытия, пусть даже это и трагедия для человека.

Молчание вбирает в себя все смыслы, отражает сущность вещей. Отсюда и одноименное стихотворение Г. Сапгира [8]. В нем и декларируется пустота, и реализуется прием «пустотного текста» одновременно. Интересно, что самого главного (как у А. де Сент-Экзюпери) глазами не увидишь; в этом стихотворении Сапгира существование противопоставлено сущности: существование брэнно, сущность вечна и незыблема, «слепое белое пятно» остается даже после ухода, «пожирания» вечностью.

Неудивительно поэтому, что Сапгир продолжает традицию стихотворений без названия: «Лист // Чист // И одинаков – // Ни графита // Ни чернил // Ни печатных знаков» («Без названия» [8]).

«Ничего нет и все есть» – еще одна поэтическая формула Сапгира. Отчасти она обусловлена ситуацией советского человека, который не мог полностью положиться на реальность, но только отчасти. Гораздо более важным становится тот факт, что слово, взаимодействуя с пустотами, создает более емкий образ мира.

Мотивы незримого, неслышимого и неназываемого формируют разорванность текстов Сапгира на самых разных уровнях, промежутки как поэтический принцип. См., например, у Бродского: «Я где-то в промежутке или вне. // Однако я стараюсь, ради шутки, // в действительности стоя в стороне, // настаивать, что "нет, я в промежутке"...» («Я не философ. Нет, я не солгу...» [2, с. 231]). Но если для Бродского «быть в промежутке» значит «затеряться в мире», буквально исчезнуть, то для Сапгира понимание героем самого себя и мира (то есть «целостная

картина”) возможно лишь в случае неполноты высказывания, его принципиальной разложимости на составные части, «затеряться в промежутке» и есть жизнь «в действительности» – на грани тьмы и света, зим и лета, молчания и голосов: «всюду сквозят промежутки и дыры // между деревьями и домами // между людьми и отношениями между ними // между небом и облаками // между работой и сном между сегодня и завтра // между мыслями и ощущениями // их незримые облики можно увидеть – // и тогда между ними свои промежутки: // дома и деревья // люди и отношения между ними // небо и облака // работа и сон // сегодня и завтра // ощущения // мысли» («Промежутки» [8]). Мельчайшие зияния между реалиями поэтического мира означают, что мир жив и непостижим, наполнен смыслом, что пустота животворна.

По словам Г. Гецевича, «в стихах Генриха много промежутков, но эти промежутки содержат не меньше смысла, чем сами слова. Слова же выполняют в стихах функцию меблированного интерьера, это, если хотите элемент дизайна. А «вздохи и слёзы», сама поэтическая материя, сама драма – в промежутках» [3].

Еще Ю. Н. Тынянов в статье «Литературный факт» писал: «...каждое “уродство”, каждая “ошибка”, каждая “неправильность” нормативной поэтики есть – в потенции – новый конструктивный принцип» [10, с. 263].

«Промежутки», разорванность, зияние на самых разных уровнях текста – своего рода конструктивный признак поэтики Сапгира.

Список литературы

1. Азарова Н. М. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.: Логос / Гнозис, 2010. 496 с.
2. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 1998. Т. IV. 432 с.
3. Гецевич Г. Поэзия в промежутках. К восьмидесятилетию Генриха Сапгира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.getsevich.ru/articles/index.html> (Дата обращения: 25.08.2014).
4. Жуковский В. А. Невыразимое // Русская поэзия. URL: <http://rupoem.ru/zhukovskij/chto-nash-yazyk.aspx> (Дата обращения: 25.08.2014).
5. Малевич К. Путь к поиску направления [Электронный ресурс]. URL: <http://argantiumbook.wordpress.com/2010/09/14/казимир-малевич-пути-к-поиску-направл> (Дата обращения: 25.08.2014).
6. Мандельштам О. Э. Silentium [Электронный ресурс] // Русская поэзия. URL: <http://rupoem.ru/mandelshtam/all.aspx#ona-esche-ne> (Дата обращения: 25.08.2014).
7. Орлицкий Ю. Б. Открыватель новых миров // Сапгир Г. В. Складень. М.: Время, 2008. С. 5–12.
8. Сапгир Г. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: <http://www.vavilon.ru/texts/sapgir8.html#12> (Дата обращения: 5.09.2014).
9. Суховой Д. Книга «Дети в саду» Генриха Сапгира как поворотный момент в истории поэтики полуслова [Электронный ресурс] // Российский государственный гуманитарный университет. URL: <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOVEI/Articles/article2.html> (Дата обращения: 25.08.2014).
10. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
11. Тютчев Ф. И. Silentium [Электронный ресурс] // Русская поэзия. URL: <http://rupoem.ru/tyutchev/molchi-skryvajsya-i.aspx> (Дата обращения: 25.08.2014).
12. Фоменко И. В. Цикл «Часть речи»: опыт интерпретации // Иосиф Бродский: Проблемы поэтики. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 187–198.

13. Ямпольский М. Беспамятство как исток (читая Хармса). [Электронный ресурс]. URL: <http://read24.ru/fb2/mihail-yampolskiy-besamyatstvo-kak-istok-chitaya-harmsa> (Дата обращения: 25.08.2014).

“EMPTINESS” IN G. SAPGIR’S POETRY

S. Y. Artemova

Tver State University
The department of theory of literature

The article discusses the motif of “emptiness” typical for Sapgir’s poetry and manifested at the different levels of a poem: from declarative statements to phonetic, lexical, syntactic, and philosophical as well as ontological realization in a text

Key words: *the declaration and implementation, the poetic word, the twentieth century lyrics, the poetic "I", the lyrical subject*

Об авторе:

АРТЁМОВА Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: svart1@yandex.ru

УДК 82'06:821.161.3'06

НЕОНОВЫЕ БУКВЫ СУДЬБЫ: БЕЛОРУССКИЙ СЮЖЕТ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

И. Н. Афанасьев

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины
кафедра русской и мировой литературы

В статье анализируются основные закономерности развития белорусской литературы XX века, которая утверждала себя на волне национального возрождения. Сделан вывод о том, что ее своеобразие и художественные возможности находятся в онтологической зависимости от важнейших исторических событий XX века: белорусская литература не только осваивает их эстетически, но и пытается преодолеть.

Ключевые слова: *белорусская литература, национальное возрождение, революция, Великая Отечественная война, Чернобыль*

Литература всегда была важной частью национальной истории, ее неоспоримой принадлежностью. Верное во всех случаях, это заключение приобретает особый вес именно тогда, когда мы обращаемся к истории русской и белорусской литератур, хотя градус общественного темперамента при этом может весьма и весьма различаться: от признания спасительного участия литературы в общественном и историческом процессах, формировании самой национальной концепции жизнестроительства – до более чем критической оценки ее влияния на выбор исторического пути. Революционный, нигилистический характер исторических событий не однажды находил объяснение в причинах литературного свойства, формируя целую традицию русского гуманитарного познания: от В. В. Розанова до А. И. Солженицына.

Белорусский XX век вместил в себя две мировые войны, революцию, сталинский террор и глобальную экологическую катастрофу – Чернобыль. В обстоятельствах и последствиях этой трагедии Светлана Алексиевич увидела «хронику будущего», однако свою книгу «Чернобыльская молитва» (1996) вынуждена была начать с исторической справки о том, что такое Беларусь, словно миллионов человеческих жизней, брошенных на алтарь истории, было мало, чтобы превратить безымянную terra incognita в эпицентр событий века. Тем не менее, этот парадокс исполнен глубокого трагического смысла, и горький афоризм лидера современной белорусской интеллектуальной поэзии Алеся Рязанова – «Мы есть, чтоб не быть» – нисколько не противоречит той модели взаимоотношений белорусов с историей и судьбой, которую он представил в поэме «Глина» (1994). Глина для автора – едва ли не божественная субстанция. В ней может быть воплощено всё, однако именно поэтому она должна быть ничем. Человеку в этом иерархическом устройстве мира отводится роль некоего порождающего принципа. Он даже может извлекать себе из глины бога, но и тогда не станет больше, чем он есть на самом деле: «Возможность ищет себя, // Давая // Глине // Свои имена» [7, с. 29].

Быть самими собой призывал соотечественников молодой белорусский литератор Игнат Кончевский в знаменитом эссе «Извечный путь» (издано под псевдонимом Игнат Абдиралович) (1921). Озабоченный поиском места белорусов в вечном противостоянии Западу и Востоку, он уповал на творчество «эластич-